

Комар С. И. Автономизация современной Испании и монархия Бурбонов. / С.И. Комар // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист.фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв.ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 286-287.

С. И. КОМАР
Республика Беларусь, г. Минск

АВТОНОМИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ И МОНАРХИЯ БУРБОНОВ

Исторические и географические условия создания испанского государства явились основой формирования современных наций, населяющих Пиренейский полуостров. Ход Реконкисты способствовал созданию маленьких независимых государств, которые совпадали с областями проживания народностей кастильцев, каталонцев, галисийцев и баско-наваррцев. Ни католические короли, ни Габсбурги, создавая централизованное государство, впоследствии если и не поощряли, то и не стремились к уничтожению особых привилегий, которые имели данные территории [1, 144].

Совсем иные традиции осуществления верховной власти на территории Иберийского полуострова появились после войны за испанское наследство, когда испанский престол оказался в руках Бурбонов. От федерализма был совершен переход к жестким централизаторским тенденциям: каталонцы, баски, галисийцы были лишены почти всех своих привилегий и подчинены Мадриду. Это вполне соответствовало тем традициям, которые существовали во французском королевском доме Бурбонов. Но все же владычество испанских Бурбонов в силу многих причин не привело к созданию в Испании на протяжении XIX в. единого рынка, и как итог – вместо единой испанской нации сложились нации кастильцев, каталонцев, галисийцев и басков. «Переплетение национализма наций и регионализма периферийных провинций стало причиной отчетливо выраженного стремления к автономии» [2, 65]. Впервые автономии Каталония и Страна Басков получили в период Второй Республики, тогда они имели свои правительства и парламенты. Но в годы франкизма национальную проблему в Испании объявили несуществующей, и всякое свидетельство национализма и регионализма жестко преследовалось и пресекалось.

После смерти Франко национально-региональная проблема заняла важнейшее место в дискуссиях по поводу дальнейшего развития Испании. В процессе выработки современной испанской конституции термин «нация» был введен в текст документа после острой борьбы лишь в феврале 1978 г. [25 июля 1977 г. – начало выработки новой конституции, 5 января 1978 г. проект обнародован, но пока еще не содержал данного термина]. Как отмечал журнал испанских коммунистов «Нуэстра бандера», «впервые конституцией нашей страны признано, что Испания состоит из наций и регионов» [3, 8]. Таким образом, пока еще не утвержденная конституция создавала основу для начала процесса автономизации.

Но начало этого процесса в подобных условиях создало большую опасность для дальнейшего развертывания демократизации в стране, обстановка в Испании резко обострилась. Если в период легализации компартии армия никак не выразила своего отношения к «чисто политическому вопросу», потому что, во-первых, главнокомандующий испанской армией Хуан Карлос I активно контактировал с Сантьяго Каррильо по вопросу легализации его партии и не скрывал этого; во-вторых, легализация коммунистической партии не создавала угрозу территориальной целостности страны.

Совсем по-другому в армии оценили начавшиеся процессы автономизации. Опираясь на сложившиеся в испанском обществе традиции, а также на франкистское законодательство, армия считала себя главным гарантом сохранения единой Испании и готова была выступить без промедления, рассматривая это как возможный реванш после дела коммунистической партии.

Фактически в условиях правового вакуума – когда Закон о политической реформе 1976 г. приостановил действие франкистского законодательства, а конституция еще не была принята – армия оказалась вне правовых рамок. Характеризуя сложившуюся в стра-

не ситуацию, Хуан Карлос I сказал, что «Испания стояла в двух шагах от гражданской войны» [4, 120].

Единственным признанным авторитетом для генералитета был Хуан Карлос I. Поэтому острейшую политическую проблему, которая могла завершиться применением военной силы, мог решить только испанский король.

Действительно, Хуан Карлос I, поддерживая связи со своими товарищами, с которыми учился в военных академиях, был прекрасно осведомлен о настроениях в армейских казармах: среди офицеров и солдат всерьез обсуждалась проблема введения в Каталонию войск – если Народный фронт Каталонии наберет 15 % голосов избирателей; если независимые левые наберут только 12 % голосов – войска останутся в казармах [5,155]. Многие в армии представляли, что радикальные каталонские националисты, заключив соглашение с коммунистами, могли решиться на провозглашение независимости Каталонии.

Ситуация требовала мгновенного реагирования со стороны испанской политической элиты, смысл действий которой был в том, чтобы не допустить к власти радикальных националистов на местах и создать верную перспективу передачи власти в руки умеренных сил. При этом кандидат умеренных должен был отвечать следующим требованиям: 1) это должен быть общепризнанный национальный лидер; 2) он не должен быть скомпрометированным связями как с франкистами, так и радикальными националистами. В полной мере подобным требованиям соответствовал только Хосеп Таррадельяс, глава Каталонских Генералидов. Эту кандидатуру первым предложил обсудить именно король [6, 119].

Возвращению Таррадельяса в страну предшествовали переговоры, в ходе которых живая легенда каталонцев потребовал гарантий собственной безопасности. Один из чиновников, Палидо, заверил великого республиканца в том, что его безопасность гарантирует сам премьер-министр Адольфо Суарес. Таррадельяс же считал возможным вернуться в Испанию, вернее, в Каталонию только тогда, когда получил личные заверения Хуана Карлоса I в своей безопасности. Этот авторитет республиканцев впоследствии встречался с королем и признал возможным согласиться с тем, что демократия также возможна и при монархическом правлении.

Фигура Хосепа Таррадельяса была беспримысливой с точки зрения поставленных целей. Это показала та восторженная встреча, которую ему организовали жители Барселоны. Его возвращение в Каталонию выбило почву из-под ног у радикальных националистов и сделало их победу на выборах невозможной. Каталония же, таким образом, обрела свое собственное правительство во главе с Х. Таррадельясом, и это правительство сразу в глазах многих становилось наследником демократических традиций 30-х гг.

С другой стороны, все те, кто выжидал момента для выступления против процессов демократизации, потеряли последнюю причину, по которой они могли легитимно (пусть и с точки зрения франкистского законодательства) выступить против них.

Если в длительной перспективе оценивать то участие, которое принял Хуан Карлос I Бурбон в процессе автономизации Испании, то можно утверждать, что его личная позиция находилась в противоречии с традициями королевского дома Бурбонов, но это только подтверждает, что испанский король в стремлении обеспечить интересы династии готов был по-новому трактовать взаимоотношения Мадрида и регионов и продемонстрировал качества весьма гибкого политика.

1. Монархи Европы. Судьбы династии. М., 1996.
2. Современная Испания. М., 1983.
3. Nuestra bandera. 1978. № 91.
4. *Vilallonga J. L.*, de. El Rey. Barcelona, 1993.
5. *Busquets J.* El golpe: anatomía y claves del asalto al Congreso. Barcelona, 1981.
6. *Vilallonga J. L.*, de. Op. cit.